

Знаковые функции и символические категории традиционной мордовской одежды в свадебном цикле

Г. А. Корнишина,
доктор исторических наук, профессор
кафедры новейшей истории народов России
ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева»
(г. Саранск, РФ)

Народный костюм со всеми его элементами являлся важным материальным компонентом обычаев и обрядов мордвы. Одежда в обрядовой сфере выполняла разнообразные функции, а также имела символическое значение. Считалось, что во время церемониальных действий одевание их участников приобретает магические свойства (апотропейные, лечебные, продуцирующие и т. п.). Нередко обрядовое убранство изготавливалось особыми способами и в определенные сроки. Надо отметить, что один и тот же предмет мог выполнять различные функции. Например, холст мог служить «одеждой» при ряжении, пологом для свадебной повозки; на холщовых полотенцах несли гроб; кусками холста одаривали богов и людей во время многих обрядовых церемоний.

Большой интерес в плане изучения места одежды в обрядовой культуре представляет свадебный цикл мордвы – одно из наиболее важных событий в жизни семьи. В его ход органически вплетались различные фольклорные, символично-магические и материальные элементы, среди последних немало важную роль играла одежда участников свадьбы, различные элементы традиционного костюма мордвы, а также изделия из текстиля (холст, полотенца, покрывала и т. п.).

Костюм невесты и жениха

Одежда невесты сочетала элементы, присущие как молодежному, так и взрослому ансамблю, что отражало ее переходный социальный статус. В свадебный костюм включались многие элементы одежды взрослых девушек, например, богато вышитые рубахи *покай* у эрзи и *лангакаям щам* у мокши. *Покай* невеста надевала на венчание и свадебный пир. Кроме того, в продолжение 2–3 лет молодая женщина ходила в *покае* на обряд *кашань кандомо* (принесение каши) к своим просватанным родственникам. Просватанную девушку облачали в него замужние молодые родственницы накануне свадьбы.

Были и специальные предметы одежды, надеваемые лишь на свадьбу. Так, у мокши бывших Чембарского и Спасского уездов Пензенской губернии (ныне Зубово-Полянского и Торбеевского районов Мордовии и Белинского района Пензенской области) бытовала подвенечная рубаха *шуваня щам*. Впоследствии мокшанки носили ее только по большим праздникам [13, 25]. Эрзянские девушки также готовили себе специальную подвенечную *руцю*, которую в одних местах (у мордвы Заволжья, Пензенско-Саратовского края, некоторых районов Мордовии) надевали перед обрядом *кашань ярцамо* (поедание каши), в других (Атяшевском, Ардатовском и Дубенском районах Республики Мордовия) – перед тем, как выйти к гостям после просватанья. Если же на венчании невеста была в *покае*, то на второй день свадьбы в доме мужа

**Одежда в обрядовой сфере
выполняла разнообразные функции,
а также имела символическое
значение.**

она наряжалась в *руцю*. Просватанная девушка по вечерам надевала и специальную *аварькинема руцю* (плакальную), в которой она исполняла причитания, прощаясь с девичеством и родным домом. Эта рубаха в отличие от венчальной не украшалась вышивкой. У терюхан венчальной одеждой были *полоскопайка* и *попоняха*, которые напоминали эрзянскую *руцю* и были богато вышиты, а также украшались кистями из цветной шерсти и раковин-каури.

Обычно после брачной ночи молодая меняла наряд. У мокши она надевала от 3 до 11 рубах и множество украшений. У эрзи, как уже отмечалось, там, где венчальной одеждой служил *покай*, второй день свадьбы проходил в *руце*. В тех же селениях, где невеста венчалась в *руце*, на второй день она появлялась в самой нарядной своей рубахе и красивом фартуке – *запуне*. У теньгушевской эрзи молодуха после первой брачной ночи надевала особую широкую верхнюю рубаху *нангунь панар*, которая затем использовалась в качестве выходной одежды. С момента смены костюма невесту (м. *симф стирь*, *максома стирь*; э. *ладязь тейтерь*, *максонь тейтерь*, *чиявтозь тейтерь*) начинали звать молодухой (м. *одрвяня*, э. *одирьва*). Иными словами, смена одежды указывала на смену ее социального статуса.

Большой интерес в плане изучения места одежды в обрядовой культуре представляет свадебный цикл мордвы – одно из наиболее важных событий в жизни семьи.

Разнообразие вариантов костюма молодой, очевидно, было вызвано племенными различиями, а также разной степенью сохранности тех или иных элементов традиционной одежды. Например, из-за большого срока изготовления *покая*, к началу XX в. он постепенно стал исчезать из быта. В с. Сабаево Кочкуровского района Мордовии в конце XIX в. на 300 дворов было 2–3 *покая* [7, 224]. Их передавали из поколения в поколение, давали надевать родственницам и соседкам на свадьбу. Вероятно, поэтому во многих регионах эрзянки стали использовать в качестве подвенечной одежды *руцю*, более простую в изготовлении. Постепенно, с исчезновением из повседневного быта традиционного костюма, молодая стала носить на второй день свадьбы одежду, которая была распространена у соседнего русского населения.

Эрзянская свадьба. Пензенская губерния. Фото М. Е. Евсевьева

Невеста. Мордва-эрзя. Уфимская губерния, Белебеевский уезд.
Фото М. Е. Евсевьева

Костюм невесты. Самарская область. Фото Г. Корнишиной. 1997 г.

Костюм невесты включал в себя множество украшений. Кроме того, что они, несомненно, имели большое эстетическое и апотропеическое значение, их состав был показателем экономического состояния семьи владелицы. Некоторые из них появлялись в костюмном комплексе девушек лишь в период свадебного цикла. Например, мокшанки южных районов Мордовии и прилегающих селений Пензенской области после просватанья начинали носить большой круглый воротник *комбоне*. Эту бисерную сетку, покрывающую грудь, плечи и спину, молодая надевала также на свадьбу, а затем и в праздничные дни. В тех же районах молодуха после венчания вдевала в уши серьги *лапка пилькст*, в виде кольца с пятью подвесками, которые носила до рождения первого ребенка. Впоследствии она передавала их по наследству дочери [1, 119, 130]. Право на ношение праздничного набедренника *рисьме вельде каркс* эрзянки Заволжья получали лишь после первой брачной ночи [11]. И наоборот, некоторые украшения исчезали из костюмного комплекса замужней женщины. В первую очередь, это касалось накосников (м. *пула секоня*, *пула пунят*; э. *кистючка*, *коса вельтямо*, *пуло ланго*) и лент, вплетаемых в косу. Они являлись символом девичества – веселой, свободной девичьей жизни (м. *стиреньши*, э. *тейтерьксчи*). Невеста перед уходом в так называемую девичью баню, отдавая накосник матери, причитала:

На-ка, матушка, на-ка,
Мое девичество – «кистючку»,
Мою волюшку – «кистючку» [4, 144].

Затем накосное украшение передавалось ею младшей сестре или подруге, которая носила его до выхода замуж.

Принадлежностью лишь девичьего костюма было и набедренное украшение *мукороцек*. Его переставали носить вместе с остальным девичьим нарядом после *мекев потамо* (ритуала окончательного прощания с родительским домом). Тогда же надевали и женский головной убор [13, 37].

Важное ритуальное значение также имел головной убор жениха. Как правило, в любое время года на свадьбу он надевал меховую шапку, которую не снимал в продолжение всей церемонии. Причем, она должна была быть глубоко надвинута на глаза. Несомненно,

Разнообразие вариантов костюма молодой, очевидно, было вызвано племенными различиями, а также разной степенью сохранности тех или иных элементов традиционной одежды.

делалось это с целью уберечь молодого от сглаза, порчи и других проявлений зла. Иными словами, головной убор выступал здесь в качестве апотропея, что наблюдалось и у других народов. Кроме того, у мордвы таким образом старались «спрятать» жениха от родственников невесты. Это являлось отголоском распространенного в прошлом брака умыканием, когда похититель как можно дольше должен был оставаться неизвестным. Шапка жениха кроме апотропеической выполняла и продуцирующую функцию. Как и другая одежда из меха и шерсти, она должна была обеспечить своему носителю богатство и многочадие. Существовал в мордовской свадьбе и обряд «выкупа» головного убора жениха – *содамонь шапка идема*. По приезде в дом невесты свадебного поезда ее родственницы просили показать им жениха. Старший поезжанин снимал с головы молодого шапку, клал в нее деньги и, потряхивая ею, говорил: «Вот жених!» [4, 206–207]. Вероятно раньше, когда жених не приезжал вместе со свадебным поездом за невестой, шапка служила его «заменой».

У некрещеной мордвы головные уборы молодых использовались во время обряда бракосочетания: «Самый обряд брака совершался какою-нибудь по-

Важное ритуальное значение также имел головной убор жениха. Как правило, в любое время года на свадьбу он надевал меховую шапку, которую не снимал в продолжение всей церемонии.

жилою родственницею... она брала у жениха шапку, а у невесты ленту, водила ими несколько раз над головами и потом надевала на невесту шапку, а на жениха ленту...» [3, 594–595], т. е. обмен головными уборами означал само заключение брачного союза.

Обряды, связанные с заменой головного убора и прически новобрачной

Головной убор молодухи имел еще более важные знаковые функции в свадебном обряде, чем головной убор жениха. Смена его и обряды с волосами невесты являлись одними из основных моментов свадебного

Свадьба в мокшанском селе. Тамбовская губерния, Темниковский уезд. Фото М. Е. Евсеева

Невеста с подругой. Наровчатский уезд, с. Вечкенино.
Фото М. Е. Евсевьева

Свадебный наряд мордовской (эрзя) невесты

ритуала мордвы, как, впрочем, и других народов. Довольно долго сохранялся обычай заплетать волосы мордовской невесты во множество кос. Описание подобной прически мы встречаем у П. И. Мельникова: «Волосы заплетаются в 25 кос, каждая в три пряди, в каждую косу вплетается голубой шерстяной шнурок... длиною до полу, у концов кос они связываются вместе» [9, 118]. У лукояновской эрзи такая свадебная прическа бытовала еще в начале XX в. [1, 135]. В других регионах проживания мордвы к этому времени она обычно состояла из одной косы. После девичьей бани ее заплетала одна из подруг просватанной девушки, которую последняя просила:

В корень косы, подруженька,
Эти шилья ты припей,
Плетя, плетя, подруженька,
Ты иголки те припей.
На конце косы, подруженька,
Сквозной узел завяжи,
Чтобы не могло его развязать замужество,
Не могла взять жизнь замужняя [4, 179–180].

При одевании невесты к венцу замужние родственницы (м. *арьхи ават*, э. *урьваля ават*) расплетали ей косу. Девушка при этом сопротивлялась, вырывала ее у них из рук, не желая расставаться с девичьей жизнью. Иногда косу невесты до половины расплетала ее подруга, а затем уже замужние женщины. Затем последние набрасывали на шею невесты темную ленту, символизирующую замужество, и говорили:

Ох, молодая голубушка Марина,
Красивая голубушка Марина!
Даем тебе замужество,
Дарим тебе долю женскую.
Носи-ка ты тяжесть эту,
Носи-ка ты нужду эту [15, 187].

В некоторых регионах существовал обряд *косань чавомо* (набивание косы). Его выполняла старшая сестра или жена брата, недавно вышедшая замуж. Они вплетали в волосы девушки ленточки, кольца, браслеты. Их приносили невесте в подарок родственницы и подруги. Чтобы украшения не упали, дополнительно их укрепляли булавками или пришивали нитками. Каждая женщина, подавая свой подарок, приговаривала:

Дарю тебе этот подарок,
Не придется тебе его носить,
А придется тебе над ним только плакать [11].

По приезде в дом жениха молодая раздавала эти украшения девочкам и девушкам – родственницам мужа.

Во время венчания невеста, как правило, не покрывала голову. В ряде мест она надевала девичий головной убор совершеннолетней девушки: у шок-

Тщательное закрывание невесты являлось одним из важнейших средств предохранения ее от злых сил. Недаром подобный обычай встречается у многих народов Урало–Поволжья.

ши *пехтим*, у терюхан *венец*, у эрзи *живой цвет*, у мокши *панчф*. Некоторые головные уборы девушки начинали носить сразу после просватанья: *пря сюкс* у саратовской мордвы и *кокол паця* у мордвы Заволжья, в них же они были на свадьбе.

Практически у всех групп мордвы на невесту накидывали покрывало (м. *вельхтэрда*, э. *вельтявкс*), которое нередко не только закрывало ее лицо, но и окутывало с головы до ног. У терюхан молодую накрывали *попоняхой*. Покрывало шилось из белого холста, в несколько полотнищ. На нем подруги невесты вышивали нечетное количество отдельных узоров (обычно от 7 до 13). В отличие от других вышивок здесь не употреблялся черный цвет, который обычно служил у мордвы для окантовки контура отдельных элементов орнамента. Узоры в зависимости от их количества располагались в два или три ряда. Каждый из них вышивался отдельной девушкой, их рисунок не повторялся. Последний узор, который по размерам был меньше других и располагался внизу, вышивала

сама невеста. Покрывало набрасывали на невесту, когда она покидала родной дом. В тех селениях, где для нее делали особую кибитку *он ава*, покрывало накидывали на последнюю. Изготовление покрывала для кибитки требовало много сил и времени. В. Н. Майнов писал, что он встречал в Арзамасском уезде покрывало для *он ава*, вышитое в 36 широких полос. Над ним работали 4 женщины в продолжение 14 месяцев [8, 104]. Поэтому нередко покрывала не вышивались, а просто украшались кистями из разноцветной шерсти или бахромы. Использование покрывала во время свадебного ритуала как бы освящало его, делало своеобразным оберегом. Магические функции *вельхтэрда* усиливали и его узоры. Поэтому впоследствии им укрывали детскую колыбель.

В 20–30-е гг. XX в. вышитое покрывало стало постепенно заменяться фабричной шалью или фатой, которая изготавливалась из шелковой и атласной ткани (преимущественно красного или бордового цветов), обшитой по краю бахромой или полоской материи. Фату покупал для девушки отец или старший брат. Важным моментом свадебного ритуала было снятие покрывала с головы невесты. В XVIII в. это делал свекор, позже – кто-то из родственников жениха (старший поезжанин, сваха или мальчик). При этом говорили: «В нашем конце села (или в нашем селе) посветлело, а в ихнем (то есть откуда взяли невесту) потемнело» [12].

Приглашение на эрзянскую свадьбу. Симбирская губерния, XIX в. Фото М. Е. Евсеева

Сваха. С. Кочкурово, Мордовия. Фото Б. Тишулина. 2007 г.

Тщательное закрывание невесты являлось одним из важнейших средств предохранения ее от злых сил. Недаром подобный обычай встречается у многих народов Урало-Поволжья. Марийцы даже выбирали специальное лицо, ведавшее покрыванием головы невесты. Покрывало накидывалось углом так, чтобы было закрыто лицо. У удмуртов, как и у мордвы, в оформлении свадебного покрывала *сюлык айшон* принимали участие подруги просватанной девушки. У чувашей и татар-мишарей покрывало с невесты, как и в мордовской свадьбе, снимал старший поезжанин или мальчик.

Одним из кульминационных моментов свадьбы была замена девичьей прически и головного убора на прическу и головной убор замужней женщины. Этот обряд у мордвы не был приурочен к определенному сроку. Так, у эрзи, проживавшей на севере Нижегородской и в Симбирской губернии, женский головной убор *панго* надевали невесте на одном из этапов свадебной церемонии: перед венчанием, после него в церковной сторожке, по приезде в дом жениха или в конце свадебного гуляния (т. е. примерно через неделю после начала свадьбы) [1, 149–150]. У большинства эрзянского населения Заволжья молодая первый раз

сороку или *шлыган* надевала на второй-третий день свадьбы. В с. Клявлино Клявлинского района Самарской области это делалось через неделю, когда родственницы молодой приезжали к ней *карень-пракстань* ускумо (букв. привозили лапти-онучи). Им собирали застолье, во время которого на молодую и надевали сороку [11]. В бывших Самарском и Ставропольском уездах Самарской губернии женский головной убор женщина начинала носить через год после свадьбы. В Саратовской губернии смена прически и головного убора могла происходить как после брачной ночи, так и в более позднее время: в годовщину заключения брака или после рождения ребенка [8, 86]. У мокши данный обряд также не имел четко определенного срока. В бывших Тетюшском уезде Казанской губернии и Краснослободском уезде Пензенской губернии его проводили после венчания или на следующий день [4, 427, 439, 454]. У мокшан Нижегородской губернии это событие приурочивалось к возвращению молодой из родительского дома, где она гостила после свадьбы (т. е. спустя 5–6 недель). Перед началом обряда приносились жертвы покровителям дома и двора, а также умершим предкам. Затем самая старшая в доме женщина, обычно свекровь, залезала на крышу и через дымовое отверстие подавала молодой женский головной убор. При этом она говорила: «Наши бабушки такие носили и тебе носить приказали» [8, 85]. В некоторых местах данная церемония приурочивалась к какому-то празднику, чаще всего к Пасхе. На пасхальной неделе устраивались женские братчины, где молодые женщины, вышедшие замуж в течение года, приобщались к женскому сообществу родственных семей. Знаком этого и являлась смена прически и головного убора. В с. Мамолаево Ковылкинского района Мордовии *панга* надевали молодой женщине во время Масленицы, перед тем как она вместе с мужем отправлялась с визитами к родственникам [1, 162].

Со сменой головного убора изменялся и способ укладки волос: они оказывались полностью скрытыми от посторонних людей.

Отсутствие единообразия в процедуре надевания головного убора замужней женщины можно объяснить включением церковного венчания в свадебную обрядность мордвы после ее христианизации. Оно как бы разъединяет обряды расплетения и расчесывания волос невесты, а также смены прически и головного убора. Возможно, различия в сроках начала ношения головного убора замужней женщины вызваны и разной степенью сохранности их традиционных видов. Нам представляется наиболее вероятным, что сложные, закрытые головные уборы типа *пря суре*, *турба*

Богатая и нарядная одежда поезжан, особенно свахи и уредева, восхвалялась в свадебных песнях.

и др. были раньше распространены среди всех групп мордвы и совершеннолетние девушки, невесты, а также молодухи в первый год замужества носили их повсеместно. Смена их на женские чепцы происходила примерно через год после замужества (т. е. с рождением ребенка). Данное событие означало окончательное вхождение молодой женщины в родственный коллектив мужа и утверждение ее нового социального статуса в глазах общины. Недаром в некоторых местах еще в начале XX в. молодуха, не имевшая детей, продолжала носить девичий убор в течение трех лет после свадьбы. Это значит, что общество не признавало за ней права принадлежности к группе взрослых женщин, несмотря на ее вступление в брак. Постепенно мордовки перестали носить многие традиционные головные уборы. К началу XX в. некоторые из них исчезли совсем, поэтому ускорившийся

порядок замены головных уборов нарушился и невесте во время свадьбы или вскоре после нее стали сразу надевать женский чепец. С 20–30-х гг. XX столетия, когда практически повсеместно основным головным убором мордовок стал платок, традиционные уборы стали надеваться лишь в особо торжественных случаях, в том числе на свадьбу.

Со сменой головного убора изменялся и способ укладки волос: они оказывались полностью скрытыми от посторонних людей. Обычай закрывания волос замужними женщинами очень древний. В его основе лежит распространенное у многих народов представление о том, что появление женщины с непокрытой головой якобы приносит несчастья: неурожай, падеж скота, градобитье и т. п., поэтому, например, мордовские хозяйки, выгоняя скот в поле, обязательно надевали головной убор. Если это делала молодуха, то она обязана была быть в своем нарядном свадебном уборе. Поверье сохранилось до настоящего времени. Мордовки и сейчас не только во время выгона, но и при дойке коров, как правило, повязывают платки.

Костюм невесты. Самарская область. Фото Г. Корнишиной. 1997 г.

*Панга – эрзянский головной убор.
Конец XIX в.*

*Каркс пуло (пулай) – поясное украшение.
Конец XIX в.*

В свадебном ритуале традиционный мордовский костюм имел разнообразные знаковые функции. Постепенно исчезая из повседневного обихода, он длительное время сохранялся в обрядовой сфере.

Данный обычай был широко распространен среди многих народов. Д. К. Зеленин считал его остаточным явлением ритуального закрывания лица [5, 317]. Н. И. Гаген-Торн полагала, что основная причина этой традиции заключается в представлении о магической силе женских волос: девушка, выходя замуж, могла навредить родственникам мужа своей сакральной силой, заключенной в волосах [2, 150]. По мнению В. Н. Белицер, головные уборы женщин играли роль оберегов, а их украшения из раковин, птичьих перьев, шумящих подвесок были своеобразными амулетами, предохраняющими женские волосы [1, 169]. Последние, по народным воззрениям, были связаны с культом плодородия и растительности. Недаром некоторые этнографы считают женскую косу имитацией хлебного колоса. В более позднем осмыслении закрывание волос стало символизировать подневольное положение замужней женщины.

За невестой. Фото Г. Корнишиной. 1997 г.

Об этом говорилось и в предсвадебных причитаниях мордовской невесты:

Ох, да потом (после замужества) моя косонька
Будет стыдиться людей,
Будет бояться она бога Нишке!
Ох, она (коса) будет спрятана,
Она будет покрыта-завязана платком! [15, 77]

Атрибуты костюма участников свадьбы

В свадебном ритуале большое внимание уделялось одежде не только молодых, но и других обрядовых персонажей. Богатая и нарядная одежда поезжан, особенно свахи и *уредова*, восхвалялась в свадебных песнях. При встрече свадебного поезда подружки невесты обязательно упоминали о ней. Например, обращаясь к *уредову*, они пели:

Городской боярин, уредев!
Городской писарь, уредев!
В плис ты одет,
Шелком подпоясан,
Крымская шапка на голове,
Рукавицы-перчатки на твоих руках... [4, 204]

В случае недовольства девушек подарками поезжан им пелись корильные песни (м. паряфтнима,

э. парявтнима), в которых одежда сватов изображалась в неприглядном виде:

Едут, едут поезжане!
Эти милые поезжане!
В козлиных малахаях,
В рваных шубах,
В ветхих валенках [6, 91].

Шапки поезжан-мужчин были предметом купли-продажи. Подруги невесты украшали их разноцветными шерстяными кисточками, за что поезжане должны были платить девушкам деньги. Определенную роль в обряде имянаречения молодухи (м. *лемияма*, э. *лемдема*) играл головной убор его исполнителя – *лемдиця*. После того как он давал молодой новое имя, *лемдиця* становился посреди избы, снимал свою шапку и разрубал ее на мелкие части. Это означало, что подобным образом он поступит со всяким, кто осмелится назвать молодую женщину прежним именем [4, 325–326].

Сваха, как правило, была одета в полный традиционный костюм. Еще в 50–60-е гг. XX в., когда он практически полностью исчез из быта мордвы, она надевала на свадьбу его отдельные элементы – рубаху (м., э. *панар*, м. *мушкас* или э. *руцю*), а также традиционный головной убор. Например, в с. Ега Пензенской области бытовало специальное *свахань*

панго. Его форма напоминала опрокинутое берестяное ведро высотой 20–25 см, которое обшивали холстом или белой тканью и украшали розетками из цветных лоскутков или шерсти, лентами, позументом, блестками. В некоторых селах Атяшевского, Ардатовского и Теньгушевского районов Мордовии к головному убору свахи прикреплялось специальное украшение *човонь тарад* (затылочная ветка). Это была метелка ковыля с бумажными цветами [1, 136, 150].

В отдельных регионах одежда свахи сохраняет национальное своеобразие до настоящего времени. Например, в Шемьшейском районе Пензенской области свахе делают головной убор, имитирующий традиционный *шлыган*, на очелье которого вышивают ее имя [10]. У эрзи Теньгушевского района Мордовии, а также в мокшанских районах республики руководительница свадебного поезда и сейчас нередко надевает старинную одежду. В восточных районах Республики Мордовия (Атяшевском, Дубенском, Большеигнатовском) сваха часто одета в костюм, который представляет собой сочетание традиционных элементов мордовского и русского костюмов. Он состоит из кофты и юбки, соборенной на талии, которые сшиты из атласной или шелковой ткани ярких цветов (малинового, желтого, зеленого и др.), а также фартука (э. *икельга паця*, *запон*) без грудки из того же материала, но обычно другого цвета, чем остальные

Сватовство – ладямо. Самарская область. Фото Г. Корнишиной. 1997

Благословение невесты

После свадьбы. Пахтанье масла, XIX в.

детали. Фартук украшается кружевом и полосками разноцветной материи. Костюм свахи дополняет венок из искусственных цветов, который в начале XX в. был распространен среди эрзянского населения Симбирской губернии в качестве девичьего головного убора.

Надо отметить и такое явление мордовского свадебного цикла, присущее, впрочем, и соседним народам, как ряжение. Чаще всего рядились на второй, «потешный» (м. *потихань ши*, э. *потехань чи*), день свадьбы, когда группа ряженных родственников невесты шла в дом жениха искать «ярку». У мордвы до сих пор наблюдается такой вид ритуального ряженья, как травестизм – обрядовая перемена пола: мужчины надевают женскую одежду, и наоборот. Этот обычай отмечается у многих народов. По мнению некоторых этнографов, практика травестизма порождена стихийным стремлением человека повысить свою половую потенцию, что было актуально именно для свадебной церемонии, которая оформляет появление новой семьи, невысказанной без детей. Исследователи выдвигают и еще одно объяснение этого обычая: люди надевают одежду противоположного пола, чтобы «замаскироваться», сменить свой облик [14, 190].

Обрядовая перемена пола была свойственна таким свадебным персонажам, изображающим разные социальные, бытовые, а позже и национальные типы, как «Невеста», «Жених», «Дед», «Бабка», «Пастух» и т. п. Они имели по большей части развлекательные функции.

Часто участники свадьбы изображали животных. Например, еще на предсвадебном этапе, во время печения пирогов в доме жениха, а затем и при укладывании молодых в постель группа женщин изображала из себя жеребцов (*айгор*). Большую роль в мордовской свадьбе играл такой персонаж как «Медведь» (м. *офта*, э. *овта*). Обычно им наряжалась женщина, надев вывернутую мехом наружу шубу и шапку. «Медведь» встречал молодых по приезде в дом жениха, обсыпал их хмелем и желал богатства и плодовитости. У мордвы Заволжья этот персонаж возглавлял шествие молодой к воде [12].

Одежда из меха (шубы, шапки, рукавицы) использовалась во время многих свадебных обрядов: сидя на шубе, невеста встречала приехавших за ней поезжан; ею же нередко покрывали постель молодых вместо одеяла. Когда невеста сходила с повозки по прибытии в дом жениха, ее сопровождающие – *урьваля* бросали под ноги молодой свои рукавицы или суконный кафтан. Тогда же родные жениха надевали на невесту шубу, чтобы она была богатой и плодородной.

Часто встречается и применение изделий из обработанного волоса животных – войлока, сукна. В тех местах, где невесту увозили из дома на специально обустроенной кибитке, последнюю покрывали именно войлоком или постлали его внутрь повозки

[4, 276]. Иногда невесту сажали не на шубу, а на кошму, подушку или перину. В некоторых мокшанских селениях родители просватанной девушки благословляли ее перед венцом, стоя на зипуне, который шился из толстого сукна.

Подобное использование меховой одежды, а также шкур, войлока и пр. наблюдается и в свадебном цикле других народов. Так, у русских после венца молодых сажали как на шубу, так и на овечью шкуру (Пермская губерния), войлок (Владимирская, Нижегородская, Казанская, Самарская, Саратовская губернии), подушку (Псковская, Новгородская губернии). Марийцы войлок или шубу стелили под ноги молодой при входе в дом жениха. А удмурты в подобном случае кидали под ноги подушку, чтобы молодой «мягко жилось в новой семье», чтобы она была покладистой. С этими же пожеланиями ее сажали в женской половине дома на овечью шерсть. На свадьбе у коми, как и у мордвы, новобрачных у дома жениха встречала женщина в вывороченной наизнанку шубе.

Скорее всего в данных обрядах простая шкура была первичным элементом, затем ее заменила меховая одежда. Использование шкуры животного или одежды из нее, по мнению некоторых исследователей, восходит к древним тотемистическим представлениям. Особенно ярко это проявляется в ритуальном одевании женщины, изображавшей медведя. Данный обряд должен был оказать благоприятное влияние на молодых: жениха сделать сильным, а невесту – плодотворной. Подушка и перина, по-видимому, стали более поздней заменой шубы или шкуры. Но они также имели продуцирующее значение, так как набивались пухом птиц (кур, гусей), которые являлись символами прогенитации и должны были передать свои свойства молодоженам.

Обряд встречи молодых женщиной, переодетой медведем, сохраняется у мордвы до настоящего времени, хотя первоначальное его значение забыто. Пожилые информаторы объясняют его так: «Этим показывает-

ся, что замужняя жизнь тяжелая – медвежья» [12]. Теперь такое ряжение часто является поводом для шуток и веселья.

Постепенно в мордовской свадьбе стали фигурировать маски, которые встречаются у многих народов, переходя из обряда в обряд. Они не связаны с какими-либо древними поверьями, их роль чисто развлекательная. К таким персонажам относятся «Врач», «Солдат», «Дама», «Кавалер», «Цыган», «Цыганка», «Почтальон», «Пожарный» и др. Наряду с ними сохраняются и традиционные персонажи: «Невеста», «Жених», «Дед», «Бабка», «Кони», «Медведь».

Таким образом, в свадебном ритуале традиционный мордовский костюм имел разнообразные знаковые функции. Постепенно исчезая из повседневного обихода, он длительное время сохранялся в обрядовой сфере. Так, основные участники свадьбы вплоть до настоящего времени надевают отдельные элементы традиционной одежды. Наряду со специально изготовленной в свадебном ритуале применялась (и сейчас применяется) обычная или выходная одежда, которой нередко при этом приписываются сакральные функции (платок или фабричная ткань, служившие для закрывания лица новобрачной, изделия из меха и др.).

СОКРАЩЕНИЯ

м. – мокшанский;
э. – эрзянский

Ключевые слова / keywords:

традиционная одежда; знаковые функции; возрастные категории

traditional clothes; functions of symbols; age categories

Поступила 07.07.2009

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белицер, В. Н. Народная одежда мордвы / В. Н. Белицер. – М. : Наука, 1973. – 216 с.
2. Гаген-Торн, Н. И. Женская одежда народов Поволжья / Н. И. Гаген-Торн. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1960. – 228 с.
3. Дубасов, Н. И. Очерки из истории Тамбовского края / Н. И. Дубасов. – Тамбов, 1890. – 225 с.
4. Евсеев, М. Е. Историко-этнографические исследования // Избр. тр. – Саранск, 1966. – Т. 5. – 552 с.
5. Зеленин, Д. К. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavica. – 1926. – Вып. 2.
6. Корнишина, Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы / Г. А. Корнишина / МГПИ. – Саранск, 2000. – 150 с.
7. Крюкова, Т. А. Женская рубаха «покай» и ее связь с праздником «пивань кудо» у мордвы // Записки МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1958. – Вып. 19. – С. 218–230.
8. Майнов, В. Н. Очерк юридического быта мордвы // Записки РГО. – СПб., 1885. – Т. 14, вып. 1. – 267 с.
9. Мельников, П. И. Очерки мордвы / П. И. Мельников (Андрей Печерский). – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. – 136 с.
10. Полевые записи автора, с. Каргалеяка Шемьшейского района Пензенской области, 1995 г.
11. Полевые записи автора, с. Клявлино Клявлинского района Самарской области, 1998 г.
12. Полевые записи автора, с. Новые Сосны, Новый Маклауш, Терикла Клявлинского района Самарской области, 1997 г.
13. Спрыгина, Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского у. Пензенской губ. // Средне-Волжский Пензенский областной музей. – Пенза, 1928. – Вып. 3. – 47 с.
14. Токарев, С. А. Маски и ряжение // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. – М., 1983. – С. 185–193.
15. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Эрзянская свадебная поэзия. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1972. – Т. 6, ч. 1. – 471 с.